

Сергей Катков

ЭКСПЕДИЦИЯ ГЕНЕРАЛА
КАННИБАЛА

I

В декабре 1736 года от стоявшего на рейде галеона «Конкистадор» к перуанскому берегу против встречного шквалистого ветра отчаянно шла лодка. Волны нещадно били в ее борта, ежесекундно грозя перевернуть команду испанских матросов и пассажира, который со своим громоздким сундуком, потрепанным саквояжем и французским гражданством, казалось, вовсе не стоил таких героических усилий. Когда же наконец со второй попытки высадили злополучного пассажира и лодка с командой пошла обратно, одна из гнавшихся за ними волн стала роковой. Семеро моряков на полпути к судну заплатились жизнями. Так начинается история злоключений безымянного героя, уроженца Руана, ступившего на землю инков в напрасной надежде догнать своих знаменитых, но не менее злосчастных собратьев-ученых. Жертвы перуанской волны стали первыми, кто открыл смертельный счет в той великой и фантастически неудачливой экспедиции. Отчаянные испытания выпали на долю ее участников. Беспрецедентное мужество выказали они перед лицом судьбы. Кипучие страсти, достойные самого яркого пера, обуревали ее героев, прибывших в страну Эльдорадо за бесплотным прометеевым огнем. Вектор научного предприятия, известного ныне как Перуанская экспедиция¹, можно сравнить

¹ В 1735 году Французской академией была предпринята т.н. «Перуанская экспедиция», в состав которой вошли выдающиеся астрономы и математики XVIII в. — Луи Годен, Пьер Буге и Шарль Кондамин. Их задачей было измерение при помощи «триангуляционного метода» длины дуги меридиана, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о приплюснутости Земли в области полюсов или экватора. Все данные относительно участников экспедиции соответствуют исторической правде. О персонаже, выведенном в рассказе под именем Руанец, нет никаких достоверных сведений (*Здесь и далее прим. автора*).

с погоней за ускользящим фронтиром знания, с космическим путешествием, в которое пустились герои «Интерстеллара».

Великий Аноним — таково имя персонажа, последним вступившим в состав губительной экспедиции. Разгадка его имени и биографии до сих пор скрывается, хотя он вполне мог войти в ряд великих ученых своей эпохи. Известно, что он одногодка Луи Годена, автора и главного руководителя Перуанской экспедиции, астронома столь выдающегося, что в девятнадцать лет он был принят во Французскую академию. Своим дарованием Аноним нисколько не уступал двум другим руководителям — Шарлю Кондамину и Пьеру Буге. О них речь дальше. По краткой записке, сохранившейся в архиве Французской академии, известно, что родился ты в Руане, в семье книготорговца, младшим из семи детей, и спозаранку детства сказочно одарен был языкам. Увы, в отличие от своего удачливого сверстника Годена, только готовился ты совершить свои научные открытия. Еще не было написано ни одной книги, ни сколько-нибудь значимой научной статьи. Отсутствие материала, достойного твоего дарования, той дикой почвы, возделывание которой увенчалось бы славой на языковедческом поприще, — вот что толкало таких же анонимных героев всех эпох к тщетной погоне. Позволь дать тебе хоть какое-нибудь имя, ибо безымянный профиль скользит мимо читательского сердца без следа. А нет худшей превратности, чем эта. Рожденный в Руане, пусть будешь ты Руанец.

В день, когда Руанец ступил на перуанский берег, началу экспедиции минуло полтора года. Шел дождь, которым океан тянулся за путешественником вглубь материка и еще несколько миль сообщал о себе тяжелым рокотом. Проводники с мулами, присланные из Кито, перегрузили содержимое сундука и саквояжа в перекидные сумы, и маленький караван направился в сторону сельвы. Еще не было известно, что Годен, Кондамин и Буге, разругавшись, продвигались вглубь континента тремя отдельными партиями. Что из-за обезумевшего от страсти Годена экспедиция лишена средств, и теперь ее участники, которых догонял молодой языковед, претерпевали свои жестокие участи, пробиваясь через джунгли к далекому Кито.

Руанец слышал об одном амазонском племени — его название «пираха». Язык пираха — настоящее волшебство, заключенное всего в нескольких звуках, сами индейцы якобы говорят без слов, обходятся без перечислений, указаний на цвет, их беззвучный глагол способен повествовать только о настоящем. Будущее и прошедшее в нем невозможно, ибо он существует, пока речется, словно ручей, обновляемый водой. Прилагать к языку пираха инструмент теоретической науки бесполезно, описывать точными категориями — все равно что шить невидимое платье короля, который, как известно, голый, а выучить его можно, только погрузившись в исконную для племени среду — используя тело, интуицию и фибры души². От испанцев языковед знал, что пираха доверяют только наличным показаниям чувств, говорящих всегда одно и то же: что мир всегда был таким же, как сегодня с утра, и что объяснять вещи — избыточный труд, на них достаточно молча указывать: вещь есть вещь и ничего больше, кроме себя и своих пределов, она понятна сама по себе. На все попытки привить им христианство, пираха посмеиваются, отказываясь верить в Христа, с которым лично не знакомы.

За доказательствами того, что язык пираха не есть платье голого короля, а пусть хоть энигматическое, но все-таки вещество: набедренная повязка дикаря, отделяющая его от животного мира — за этим ехал Руанец в амазонские джунгли. Доказательства или опровержения поставят Руанца в один ряд с такими светилами науки, как Годен, Буге и Кондамин. В то время как миссионеры-грамматисты описывали языки диких племен по образу и подобию латыни, древнегреческого и арамейского языков, ему одному из первых в свою эпоху пришла мысль изучить подлинную грамматику диких племен³.

² В XX в. лингвист Д. Эверетт провел долгое время, изучая язык амазонского племени пираха, особенности которого, по словам Эверетта, противоречат универсальной грамматике Н. Хомского. В нем якобы отсутствуют категории времени, числа, а также прием рекурсии, который, по теории Хомского, является универсальным.

³ Идея, что грамматика языка американский индейцев может быть организована на фундаментально отличающихся от латыни принципах была просто за интеллектуальным горизонтом лингвистов того времени. Проблема лежала глубже, чем неспособность понять конкретные особенности грамматики конкретного языка Нового Света. Она состояла в том, что многие миссионеры даже не понимали того, что надо что-то понять.

Необходимо сказать, что к тридцатым годам XVIII века Пьер Буге, один из крупнейших математиков своего времени, вундеркинд, профессор в шестнадцать лет, оказался в самом центре отвлеченных на первый взгляд научных споров. Уже через много лет после описываемых событий в честь Буге была выбита медаль, на которой он изображен опирающимся на земной шар и как бы сжимающим его. И это неспроста. Спор, начало которому положили Ньютон и картезианцы, шел о том, была ли Земля подобна шару, который сплюснен у полюсов или, напротив, расширен на экваторе.

Вопрос совершенно не праздный. Знание истинной формы и размеров Земли значительно облегчило бы навигацию и решило проблему долготы. Измерения, проведенные итальянским астрономом Кассини для короля Людовика XV, показали, что длина дуги меридиана на севере и юге Франции отличается, что было странно и возмутительно, учитывая господствовавшую тогда теорию безупречно шарообразной Земли. Чтобы выяснить окончательно, Земля — шар или яйцо, необходимы были еще два измерения: одно вблизи Северного полюса, другое — возле экватора. Северная экспедиция в Лапландию стартовала в мае 1736-го, выполнила свою часть работы и через двенадцать месяцев благополучно вернулась. Экспедиция к экватору в Перу началась на год раньше, в мае 1735-го, и была рассчитана на три долгих года. Буге, Годен и Кондамин, никогда не выезжавшие дальше Парижа, не подозревали, поднимаясь на борт «Портофе», насколько они ошибались в сроках. Даже сегодня их научное предприятие выглядит очень рискованным, что говорить о первой половине XVIII века, когда форма и размер Земли были расплывчаты и представляли предмет споров, а ее поверхность еще не была поделена между государствами.

Луи Годен, так славно и с таким блеском начинавший научную карьеру, через много лет закончит свои дни в испанском Кадисе, ведя длительную переписку с Французской академией на предмет возвращения на родину. Половину жизни он проведет в Южной Америке, а еще до этого, спустя пять недель после отплытия из Франции, на первой же стоянке в Санто-Доминго, где решили откалибровать инструменты и дожидаться переписки между французскими и испанскими дипломатами, совершит поступок, который

поставит крест на его карьере и репутации. Доступ к кошельку экспедиции в сочетании с увлечением местной куртизанкой приведет к тому, что на объект своей страсти Годен потратит почти все деньги предприятия. Апогеем станет бриллиант стоимостью в тысячу экю. Как на краю света удалось раздобыть такой камень и что с ним стало потом, история умалчивает. Как и о дальнейшей судьбе красотики по имени Гузан.

Разоренная Годеном, экспедиция в марте 1736 года прибывает в Перу. Три ее руководителя, находясь друг с другом в состоянии холодной войны, решают добираться в Кито, чтобы одолжить денег у испанских властей. Всю дорогу — а это сотни километров неизвестных земель с очень сложным рельефом, — вместо того, чтобы объединиться перед лицом трудностей, они идут порознь, тремя группами. Они ожидали увидеть одноглазых каннибалов и допотопных чудовищ, а повстречались с семидесятиметровыми ущельями, гигантскими водопадами, змеями, медведями и насекомыми, переносчиками смертельных болезней.

Астроном и математик Шарль Мари де ла Кондамин был рожденным первооткрывателем. Пока отряд Буге на некотором удалении следует за Годеном, Кондамин берет астрономические инструменты, охотничье снаряжение, гамак и в сопровождении двух проводников поднимается на каноэ по реке Эсмеральдос. В тропических лесах он встречает индейцев кечуа и перенимает их знание о каучуке⁴. Брошенный проводниками, чужак в стране чужой, он попадает прямо в лапы желтой лихорадки и восемь дней и ночей борется с тропическим мороком за свою жизнь, и единственным союзником ему остаются бананы, которыми он подкрепляется. Но вот болезнь отступает, Кондамин взбирается на гору, обтекаемый струями свежего воздуха и видит внизу город. Это был Кито, где уже несколько недель его ожидали остальные члены экспедиции, которым испанский губернатор отказал в денежной помощи.

Экспедиции предстоит пройти Перу, достичь экватора, потратить от малярии и рук разъяренных жителей несколько своих участников, страдать от холода и голода, подняться на двадцать

⁴ Благодаря этим исследованиям, были заложены основы резиновой промышленности.

пять гор, открыть целебные свойства хинина⁵, разработать идею метрической системы⁶ и удостоверить, наконец, что теория Ньютона, открытая им на кончике пера и потребовавшая столько времени, сил, страсти и человеческих жизней, верна. Земля и в самом деле не шар, но и не яйцо, а, скорее, похожа на мандарин. Но все эти события в будущем, которое для Перуанской экспедиции растянется почти на десять долгих лет, полных испытаний.

II

В то самое время, пока Кондамин борется с лихорадкой, когда над сельвой собирается дождевое затмение, Руанец терпит неудачу, самую страшную из всех возможных — его путь пересекают выскочившие из сельвы всадники. Проводники бегут, и европеец застигнут один-одинешенек посреди пампасов. Всадники соскакивают с коней и оказываются воинами царя-каннибала, правителя джунглей. Они быстры и обходятся с пленником по-хищному: толкают на землю, вяжут руки и уводят на границу земли и леса. Руанца хлещут плетью, гонят в джунгли, включают в цепь таких же несчастных пленников, как он, и шаг за шагом оставляют все дальше и дальше от той потрясающей истории страсти, самоотверженности и огромных усилий, которые достались на долю Буге, Годену и Кондамину. Руанца уводили далеко вглубь тайной страны, о которой ничего не известно европейцам.

Сельва клубится, кипит, словно муравейник под струей воды, сельва всасывает в себя любую слабую жизнь — жадно, с присвистом, как птичий вор выпивает яйца: одно за другим, без остатка. Дорога беспутная, безначальная, как небо, заставшее вереницу пеших пленников и их хозяев, конных воинов. Джунгли отовсюду щебечут, кричат, плавают неукротимый животный звук в красно-желтую лихорадочную полосу, которую дождь смывает и сводит в мутную бурную реку. Дожди, дожди по всей планете, запропастившие пространства в грязные разлившиеся реки. «Что ты здесь де-

⁵ Еще одно исследование Кондамина, открывшее для европейцев спасение от малярии.

⁶ Идея также принадлежит Кондамину.

лаешь, опоздавший, напрасный догоняльщик, безвестный, безумный Раунец?» — таков рефрен нашей истории.

Первую ночь Раунец проводит с пятерыми несчастными — заведенными, исхудавшими пленниками, которые при каждой возможности валятся к дереву. Раунец предвидит: скоро станет таким же. Наутро он разделяет с ними сладко-горькую баланду. Всадники мускулистые, надменные и жестокие. У них железный котелок, испанские латы и стремяна для всех семи лошадей. Кто те европейцы, отдавшие этим дикарям свои жизни, экипировку, а одному даже целый испанский мундир? Видать, главный у них. Выше любого на голову, мундир ему мал: распорот привычным пончо. Нос пробит шипами в переносице и ноздрях. Длинный шип в нижней губе — острой козлиной бородкой. Глаза, никогда не читавшие книг, поставлены под самые надбровные валики, — оттого взгляд неподвижно опасный, непредсказуемый, как у ягуара. Лицо в татуировке, выводящей оскал черепа наружу. Свод головы выскоблен, оставлен только черный бархатный полумесяц. И все же в промельке зрачков, в этом охвате с головы до ног читается что-то знакомое. Взгляды других — пленных и воинов — Раунец, несмотря на свой талант полиглота, перетолмачить не может.

Целый день конные гнали пленных через колоннаду леса, мимо обрыва в преисподнюю, вдоль реки, оголившей слюняво-глиняные десны берегов, под ошеломительным водопадом дождя. Раунец падал, скользил в глине, листве, увлекая за собой ослабших индейцев. Два раза плетка вылизала ему под лопаткой и под шеей кровавые ссадины. На правой ноге корневище оставило бескожную, сочащуюся сукровицей белизну. Раунец молился наступлению ночи. Бесконечный, немолчный гул леса и воды. Влага во вдохе, влага опивает лицо, разваливает одежду, пухнет в больной ноге. Вспученная кора деревьев, в которой увязают люди, пенится, словно губка. Раунец глотает разжиженную порцию несъедобных зерен и падает в забвенье. Просыпается от тишины, в которой звучит испанская речь. Оказывается, говорит он сам. Вспоминает «Собаку на сене». Из темноты выплывает взгляд ягуара. Раунец умолкает. Взгляд существует несколько мгновений, обдумывая слова,

произнесенные по-испански. Потом ягуар уходит в темноту, в лес, охотиться на других дикарей, на других руанцев.

Черно-белый ливень проникает в сны, сводит с ума, снова и снова зовет к океану, в бездонные провалы которого ныряет лодка с обреченными гребцами. Над деревьями зыбятся волны. Одна другой выше. Опускается еще одна ночь. Ливень перестает. Промытая сельва под надзором грозовых небес в опадающем остатке капель бездумно повторяет произошедшее за последние сутки: дождь, дождь, дождь. Ничего не было в мире, кроме дождя. Память леса до краев наполнена дождем. Что ты здесь делаешь, опоздавший, напрасный догоняльщик?

Утром экспедиция прорвала невидимый рубеж, а за ним ветер уже гнал во всю ширь пампасов, оставляя за спиной клубящиеся над сельвой безголовокрылые облака. Идти пампасами легче. Руанец оглядывает своих спутников и начинает что-то думать. Все чаще к нему подъезжает дикарь в мундире-пончо. Взгляд его свирепо-нежен, как у голодного перед дымящимся блюдом, за которое он скоро примется. К полудню пленных гнали уже горной страной, перемахивая пологие перевалы. Еще засветло остановились у крутого подъема, оставив его на завтра. Руанца отделили от остальных пленных, показав отойти в сторону. Так легко отпустили его теперь. Но нет, среди высокой травы стоял тот в мундире.

— Вы говорите по-испански? — спросил дикарь на языке Лопе де Вега. — Вы не похожи на испанца. Но если окажется, что да, это сохранит вам жизнь. — Руанец от неожиданности пока подбирал слова. — Эти несчастные завтра отправятся на верную смерть, но у вас есть выбор.

Сменить национальность в этом краю было проще простого. Руанец не стал долго думать и тут же заговорил по-испански:

— В некотором роде, если вам угодно, я имею отношение к Испании. — Руанец был блестящим полиглотом. Испанский с девяти лет был в его активе.

— Это хорошо, — дикарь снова нежно-свирепо посмотрел на него. — Давно у меня не было подходящего собеседника.

— Но если хотите собеседника поразговорчивее, прикажите накормить его как следует. Ибо несколько суток не доводилось ему слагать слова в связную речь, и посему ему требуется хорошенько размять свои артикуляционные органы. — Руанец знал себе цену.

Главный с уважением кивнул, прокричал своим, и через минуту-другую пленник был на «ты» с дюжей порцией походного дикарского пайка.

— Теперь, — сказал Руанец, закончив трапезу, — я полностью в вашем распоряжении. И, кстати, куда мы идем?

Дикарь улыбнулся. Совсем по-европейски. Только зверские шипы в носу могли смутить кого угодно.

— Расскажите о себе, — сказал он, располагаясь на траве по-богдыхански. — Откуда пришли, чего искали?

В его глазах был тот же подозрительный блеск, который Руанец отнес на счет нетерпения дикаря как можно быстрее усладить себя живой испанской речью. Руанец вкратце обрисовал свои научные интересы, опустив преамбулу, связанную с Буге-Годеном-Кондамином, и сосредоточившись на лингвистическом своеобразии языка пираха.

— Хех, — разочарованно сказал дикарь, расстегивая пончо-мундир, под которым обнажились первозданная красота индейского тела и папоротниковые этажи татуировок. — Вам одновременно и повезло, и нет.

— Почему же? — нетерпеливо спросил Руанец.

— По матери половина моей крови от индейцев пираха. Мой отец был испанский моряк, от него я унаследовал двенадцать первых лет жизни под надзором преподобного отца Арабеля в Кито и, следовательно, знание испанского. Мать я почти не помню. Язык ее племени мне неизвестен. В последний раз, когда аббат Арабель отправил меня в составе очередной миссии евангелизировать пираха, это закончилось пленными...

— Неужели пираха кровожадны?

— Нет, пираха и опоссума не обидит. В плен меня взяли солдаты народа кечуа. Я переменял воспитание, язык и вырос в отличного воина. Последняя гражданская война сделала меня генералом. Могу сказать, что пираха никогда не спят. Странное племя, счастливые, но жуткие люди, потому что непонятные.

— Так вы генерал? — воскликнул европеец.

— Увы, — с гордостью ответил индеец.

Похоже, генерал терял к Руанцу интерес. Он не жаждал новостей из огромного нового мира, откуда приплыла эта говорящая рыба, выловленная в мутной воде случая. Эти новости отдавали бы

душком знакомого ему тления, которое так не хотелось замечать в окружавшей жизни. Он жаждал нечто другое.

— Ладно, — сказал генерал, поднимаясь. — Пока закончим разговор. Но у нас будет много времени. Вы расскажете гораздо больше, чем хотели бы. От длины вашего языка теперь зависит ваша жизнь.

— Как изволите вас понимать? — требовательно спросил Руанец. Все-таки испанский не был ему родным, поэтому, волнуясь, он выражался слишком литературно.

Испанский генерала звучал более естественно.

— Позже объясню.

Наутро пленные в сопровождении пятерых воинов без лошадей ушли к перевалу. Еще двое остались с генералом.

— Справитесь с лошадьё? — спросил он Руанца, увидев, как тот беспомощно виснет на удилах.

— Еще бы не справиться, — Руанец напряженно улыбнулся. — Это ж лошадь, а не судьба, чего с ней справляться-то?

Тоска пленных, уходивших к перевалу, передалась и ему. Худые спины с выпиравшими лопатками пропали в тени гор. Хотя Руанцу сподручнее было управляться с книгами, а не с седлом и поводьями, теперь его будущее, в котором он пусть и неопределенное время, но жив, связано с этим генералом в распоротом мундире, а не с теми обреченными спинами. И ради этого стоило постараться.

В сопровождении двух воинов и четырех лошадей без седоков Руанец и перуанец ехали теперь бок о бок.

— Чтобы сделать ваш язык чуть длиннее, а может, и гораздо длиннее, — говорит генерал, — поступлю, как некоторые наши лесные народцы. Они надрезают кору одного дерева и собирают его сок. Застыв, сок образует пасту, которую можно тянуть почти бесконечно. Так и я сначала сделаю надрез, образно говоря, на вашем воображении, а потом буду собирать сок вытекающих из него побасенок, и в ваших силах растянуть их на много-много дней.

— Прелюбопытно, неужели действительно получается такая паста? Совершенно невероятно! — произнес Руанец, лихорадочно соображая, где в словах генерала граница между угрозой и преувеличением. И, переводя все в шутку, продолжил со светской неприужденностью: — И что же это будет за надрез?

— Я скажу вам правду, которая жестче вымысла.

И он рассказал про времена, когда исчезали целые царства, словно пыль, вытряхнутая из мешка на ветер. Генералы были тогда настоящие, участвовали в кровопролитии, отстаивали границы и независимость, а штабных генералов еще не было. Шла индейская гражданская война, каждый был виден, как на ладони, в пампасах ты или в джунглях. Нынешний царь был тогда первый среди равных в генеральском террариуме. Когда революция пожрала своих полевых и партизанских командиров и остались только три генерала, первый стал царем, второй — главным министром, а третий, полукровка, сын индианки и испанского моряка, — начальником охраны внешних рубежей. Хотя в действительности ездит он по царству и собирает всякий сброд, чтобы доставить царю-людоеду.

— Кому-кому? — от неожиданности подпрыгнул в седле Руанец.

Царь войны, как раньше звали его, стал царем-обжорой. А дело было так. Случилось ему как-то между боями выйти к океану. Отряд, измотанный переходами, нуждался в отдыхе перед решающей битвой. На севере стоял успешный и харизматичный генерал, главный противник будущего царя. Народ того генерала любил — он никогда не набивал карманы провиантом за счет бедняков. Когда же царь войны вышел к приморской деревушке, то приказал солдатам кормиться за счет рыбацкого сословия. Солдаты сочувствовали рыбакам, сами были из таких бедных семей, оставшихся в глубине материка, и грабить не шли. Тогда царь войны ворвался в лачугу старого рыбака, который со всей семьей сидел за ужином, и вынес из его дома весь улов. А на укор старика: «Что же ты делаешь?» — отобрал миску с едой и тут же ее выхлебал. «Чтоб тебе жрать не пережрать!» — закричал рыбак проклятие в спину мародера. С тех пор, говорят, как только пришел царь к власти, напал на него неумный голод. Денно и ночью ел и ел — пожирал дворцовые запасы и запасы подданных, а затем уж каннибалил и самих подданных. Обратился в стобрюхое чудовище, а свою великую жратву сделал государевой догмой, по которой сила сожранных переходит к царю и вкладывается в процветание страны.

— Теперь понимаете, куда повели пленных? — генерал кивнул в сторону перевала.

— И вы что, во все это верите? — Руанец никак иначе мысленно теперь не мог называть индейца, кроме как «генерал Каннибал». — В людоедскую политику?

Генерал уже давно избегал смотреть на окружавшую его реальность, предпочитая верить в сказочную государственную деятельность. А загадочный генеральский взгляд прояснялся теперь примерно так же, как взгляд хозяина скотного двора, который улыбается будущему обеду. А уж если знать, что со съеденным к тебе переходит его сила, то удержаться от такой политики невозможно совсем.

— А почему бы нет, — с гордостью ответил генерал Каннибал.

— Так что же, может, и вы людей едите?

— А кто не ест? Все, кто при власти, все должны вкусить легкой человеческой добычи. Молодой крокодил, пробовавший человека, не станет искать трудной жертвы.

Руанец покосился на собеседника, который в любой момент может откромсать у него, скажем, руку с такой же легкостью и игривостью, с какой парижская барышня отделяет от торта кусочек к чаю.

— Можно подумать, ваши военные лучше. Такие же, небось, упыри, — сказал генерал, зевая.

Так они ехали в пампе, пока тучная чернота дороги не стала ночным небом. Постоялый двор, куда генерал прибыл со своей новой забавой в виде иноземца, оказался вроде маленькой деревушки. Руанец был далеко не первым, кто с удивлением узнал об этой потаенной от европейцев стране, но ведь никто из нее не вернулся, посему будем считать его первооткрывателем. А была эта страна обширна, славна древней государственностью, обычаями, праздниками, законами, войнами, в которых станет разбираться будущий европейский историк, и длинной чередой царей. Дороги в империи вели через горы и через пампасы, вились через непроходимые джунгли. Можно сказать, что сообщение между частями царства было налажено совершенно блестяще, настолько, что впоследствии без затруднений привело внутрь страны и европейских завоевателей. Помимо котелка, мундира и лошадей, упомянутых ранее, доходили в глубь царства и другие европейские веянья⁷. На постоялом дворе громоздилась настоящая телега, с колесами и оглоблями. Выпряженные лошади паслись с альпаками и ламами.

⁷ Индейцы Южной Америки не использовали колесо, т.к. в этой части света не существовало тягловых и верховых животных, которых можно было бы впрячь в колесную повозку. По дорогам, выложенным камнем, передвигались пешком или везли груз на альпаках и ламах, способных переносить не более 30-50 кг.

В деревянной клетке на телеге томилось несколько пленных. Руанец догадался, какая участь ожидала их. «О, что ты здесь делаешь, опоздавший, напрасный догоняльщик?» — так мог бы вздохнуть о своей судьбе Руанец.

III

— Пора вам начать свои рассказы, — сказал генерал, располагаясь на ночлег в хижине. Иноземцу постелили на полу напротив. — И помните, чем странней и извилистей будет ваш язык, тем яснее и понятнее ваше будущее.

— Что ж вы хотите услышать? — озадаченно спросил Руанец.

Уже давно совсем не реальность интересовала генерала, которая, по его мнению, во всех человеческих племенах и временах сводилась к одному и тому же.

— Начните про самое необычное, а там посмотрим... — отвечал он с грустью.

Руанец был, конечно, знаком со сказками «Тысячи и одной ночи», которые недавно перевел и опубликовал его соотечественник Антуан Галлан⁸ и которые начинали свой победоносный путь по Европе. Грех было не воспользоваться тем же способом повествования.

— Ну что ж, — сказал рассказчик-на-ночь, — поведаю вам, генерал, диковинную новость, которая застала меня перед самым отплытием. Складывая вещи в сундук, который вы-с у меня изволили изъять, услышал я чудную историю от путешественника, недавно вернувшегося из Китая. Страна эта, Китай, лежит на самом горизонте, жителей в ней ровно столько, сколько мы видели песка на дороге, а площадь ее прямо пропорциональна поверхности гор, из которых эта страна и состоит. Живут в Китае и землемеры, и строители, и хлебопашцы, и воины, и бюрократы, и даже есть один император. Но больше всего в этой стране заняты одним ремеслом. Говорят, нет такой вещи, привезенной издалека, которой китаец не позавидовал бы. Всякая чужая вещь, любая чушь кажется ему и изящнее, и интереснее, и, красуясь в чужих руках, доставляет ревность владения столь невыносимую, что порождает в народе

⁸Первое в Европе издание сказок «Тысячи и одной ночи» состоялось в 1704–1711 гг.

изумительное искусство подделывания до мельчайшей подробности — мастерство столь изрядное, что уже не существует границы между подделкой и оригиналом. Предметы родной старины — и те превосходно скопированы. Говорят, нищета и жадность правят в Китае. Но, сдается мне, в основе всего китайского — любовь и главная христианская заповедь «Возлюби ближнего своего», понятая в самом широком смысле. Китаец любит и вещь, и человека, горя к ним первейшей христианской доблестью. Поэтому Китай так обилел предметами и людьми, во всякое время воспроизводящимися прямо пропорционально своему числу.

Первая история была окончена. Генерал в углу задумался.

— Побасенка так себе, — сказал он сурово, чтобы нельзя было догадаться, что рассказом он доволен. — Пока сгодится, но в следующий раз придумайте что-нибудь подиковиннее. — И добавил: — Кажется, один ваш монах, которого мне довелось встретить, был миссионером в этом вашем Китае. Звали его, помнится, аббат Домино. Любознательный был старик.

— И где он теперь? — встрепенулся Руанец.

— Скорее всего, кто-нибудь сожрал... Но не печальтесь. Нам в забаву он оставил одну полезную вещь — горсть камней. Покажу завтра. Думаю, забава эта — тоже китайская: настолько же вычурна, как и то, что вы мне сейчас рассказали.

На следующий день, только выехали, дорога оказалась запруженной толпами жителей ближайших деревень. Молчаливые колонны шли под уханье гулких барабанов. Конвой генерала Каннибала, сопровождавший вчерашнюю телегу с новыми пленниками, съехал на обочину. Генерал рассказал, что в этом ежегодном шествии главными считались не участники, а черепа предков-победителей, которые несли на шестах. Праздновалась старинная пиррова победа над соседним государством. Стоя на телеге, Руанец видел целое море костяных голов, плывших к главному святилищу. Было это торжественное и жуткое зрелище. Барабаны ушли все дальше и дальше, пока наконец на последнем ударе мелькнул последний череп и шествие утихло в джунглях. Телега, качаясь, покатила дальше.

Руанец, впечатленный, молчал, а генерал произнес:

— Больше всего это напоминает великое муравьиное шествие: когда потоки красных ядовитых насекомых пересекают джунгли,

неся мусорный скарб старого муравейника, никто не осмелится перейти ему дорогу.

Только через час он снова заговорил:

— Вы вчера вспомнили про свой сундук, где много разных вещей. Расскажите-ка о них.

— О, это главных образом книги. Знаете — книги?

— Помнится, под руководством отца Арабеля читали мы мальчишками Священное Писание, но я как-то все больше склонялся к «Собаке на сене» и другим веселым пьесам.

— Я вез научные труды — все на латыни, в том числе трактат о пищеварении... — Руанец осекся, искоса глядя на генерала.

— Ну-ну, продолжайте...

— Боюсь, содержание книг слишком специальное, а испанский язык пока не настолько развит, как тысячелетняя латынь, чтобы я смог объяснить вам всю их глубину... — сказал Руанец уклончиво. И осторожно продолжил: — А вы вчера обмолвились про некоторую китайскую забаву, оставленную аббатом Домино...

— Ах, да. Пожалуй, расскажу об этом...

Генерал крикнул всадникам: один ехал впереди телеги, второй — позади. Остановились они, следом — телега. Генерал спешился и, забираясь на повозку, махнул Руанцу. Тот, замешкавшись в стременах, слез с лошади, присоединился к генералу. Снова поехали.

Из мешочка генерал высыпал несколько камешков.

— Как вы вчера сказали, китайцы мудреный народ. То они любят подделывать, то размножаться, но игры сочинять тоже умеют. Посмотрите, не знакомы вам случайно эти костяшки?

Руанец взял их в горсть — аккуратно выточенные из светлого камня плоские прямоугольники, разделенным канавкой пополам. В каждой половине либо пустое поле, либо от одного до шести черных пятнышек.

— Нет. Если это какая-то игра, ничего о ней не знаю⁹, — ответил Руанец.

— Жаль. Правила этой игры мне неизвестны. Я долго бился, чтобы разгадать их, и пришел к тому, что они могут быть только такими, как я расскажу, и никак иначе. Рассудите сами, прав ли я. Вначале кам-

⁹ Конечно, генерал стал обладателем набора игры в домино. В Европу из Китая она попала через Италию в XVIII веке, но еще не была известна Руанцу, т.к. первое время бытовала только в среде католических монахов.

ни переворачивают пятнышками вниз и тасуют, потом делят между игроками. Видите, совершенно чистая костяшка. Это — «великая пустота». Кому выпадет, считается в игре «творцом», остальные — его противники, «разрушители». Игра символически повторяет путь Вселенной от пустоты до предельной плотности. Вот она, «абсолютная плотность». — Индеец показал костяшку с шестерками на обеих полях. — Задача «творца» в том, чтобы выстроить фигуру всего сущего, замкнув с пустоты на пустоту, а игру ему следует закончить не раньше, чем выйдут камни. «Разрушитель» всячески мешает. Если «творец» ведет одну линию, то «разрушитель» размывает ее во все стороны. Костяшек двадцать восемь, остальные утеряны, их должно быть много-много больше, не меньше ста, ведь каждая символизирует какой-нибудь всемирный закон. Уж если у нашего царя с дюжину законнических книг, то у Вселенной на это должна быть целая библиотека. Всякий раз, начиная играть, сомневаюсь, таковы ли правила на самом деле, поэтому снова и снова что-нибудь допридумываю. И тогда мне становится горько при мысли, что правила мироздания ничуть не лучше, чему у какой-нибудь китайской игры.

— Получается, это борьба хаоса и порядка? И никто в ней не победитель?

— Никто. Ведь и «разрушитель», выигрывая, тоже перестает существовать.

Целый день они играли в домино, сообразно заковыристым генеральским правилам, и каждый многократно бывал то «разрушителем», то «творцом», но последний ход всегда оставался за «разрушителем», уничтожавшим игру. На сто первой партии костяшки ушли в тень, телега въехала на постоянный двор, и была уже глубокая ночь. Так что сразу легли спать, и Руанцу не пришлось ничего на сей раз придумывать.

IV

В полдень следующего дня конвой с телегой остановились. Впереди поднималась седловина крутого перевала, которую генерал, всякий раз проезжая, старался преодолеть без ночлега. Он и сегодня подгонял экспедицию, с утра приказал отправиться до солнца и

встретил бы сумерки на другой стороне, не прегради дорогу кочевые муравьи. Как вчера сказал генерал, в джунглях нет силы, способной противостоять такому войску. Руанец и пленные вздохнули с облегчением. Они уже привыкли жить одним днем, подобно пираха, ежеминутной подлинностью жизни, когда прошлого нет, а до будущего можно ехать и так и не доехать. Руанцу позволялась некоторая степень свободы находиться подле, а не внутри клетки, и он принялся медитативно рассматривать окружающий пестрый мир.

— Знаете, что? — сказал генерал, бодро вышагивая с разведки: он ходил посмотреть, насколько растянулся муравьиный поток. Никогда еще он не видел столь плотной багряной волны, словно в верховьях гор пиروвали все кровожадные боги. — У меня тоже была армия настоящих головорезов. Таких же, как эти муравьи, беспощадных и преданных. Заканчивая войны, никогда не думают, куда их деть. Остается кормить задарма или отправлять на новую бойню. Но кроме нашего царя никто не додумался сожрать собственное войско.

— Как вы сказали? — рассеянно спросил Руанец.

— Я генерал съеденной армии, вот как я сказал. Долго царь-обжора уничтожал моих солдат и собственный народ. Но теперь взялся за народы вокруг. Стали ездить по стране, собирать врагов на съедение. Выучились объявлять врагами бывших соратников. Иноземцы — те сразу объявляются врагами, которых съесть надо в первую очередь. Иногда собственные граждане объявляются псевдоиноземцами, чтобы было кого жрать в промежутках между врагами и иноземцами.

— Да вы вольнодумец, — сказал Руанец на эту речь, полную горечи и тоски об утраченных полномочиях.

— Вольнодумствовать вы можете только на втором языке. Все, кто хочет внутренней свободы, должен уметь говорить между слов, а лучше на языке, неизвестном людоеду.

— Послушайте, генерал, — сказал Руанец, привставая на локте, и мысленно добавил: «Каннибал», — вот вы производите впечатление человека совершенно нормального, даже культурного, что невероятно в этих краях. Скажите, каково это, съесть человека?

Генерал долго молчал, потом ответил:

— Надеялся, не спросите об этом. Думаете, я не устал от окружающей каннибальской действительности? Когда я ребенком попал в плен, меня оставили в живых, потому что я отчаянно дрался

за жизнь. Решили, пусть лучше этот станет большим воином, чем маленькой закуской. А когда закончилась гражданская, трижды об этом пожалел. Потому что пожирать пришлось своих.

Одна волна, словно лава, наслаивалась на другую. Генерал махнул рукой и велел разбить лагерь. Муравьи, подобно дождю, могли идти так еще несколько дней.

Руанец и генерал снова засели за «вселенскую игру». Солдаты приготовили темно-бурый, кровавой густоты напиток, поднесли игрокам.

— Что это? — спросил европеец.

— Напиток богов, — сказал генерал, причмокивая с искаженным лицом. — Его пьют только шаманы, аристократы и жертвенные люди.

— О, я как раз вхожу в последнюю касту, — сострил Руанец и тоже отпил кровавую брагу.

— Называется «шоколатль».

— Та еще гадость!

— Вот и на мой взгляд, чего-то не хватает...

То, что у европейцев стало шоколадом, инки смешивали с тайными травами, поэтому, когда наступило время рассказа на ночь, Руанец выдумал самую странную свою небыль.

— Много лет назад, — так начал он, — гремел по всей Европе психиатрический театр доктора Моро. Говорили, доктор с легкостью развязывал хитросплетения и узлы нервных недугов. Специализировался он на отвергнутых обществом, тех несчастных, кого называли «бесноватые». Моро не считал их больными или неполноценными, наоборот, такие люди, по его мнению, являются сосудами, в которых, подобно джиннам в лампе, заточены силы недюжинные, далеко превосходящие обычную человеческую натуру. И этой силы человека надобно лишить, ибо ему не по нутру выносить ее сверхъестественную мощь. Свое заведение Моро называл театром, поскольку сеанс терапии устраивался как представление. Он считал, что нет более действенного лечения, чем развлечение. «Лечение развлечением» уподоблялось спектаклю-размышлению, пьесе, повествуемой от сего момента к прошлому. Устраивался спектакль так. Пациент сидит в темной комнате с закрытыми зеркалами. Открывается первое зеркало, и Моро беседует с паци-

ентом, отыскивая в его прошлом причину недуга. Когда причина найдена, Моро велит отражению пациента выйти из зеркала вон. Отражение повинуется, исчезая с глаз долой. То же со вторым и третьим зеркалом. Так происходит, пока отражение, невзирая на все приказы и угрозы, остается на месте, значит, является подлинным, а все предыдущие — фантомные и соответствуют болезненным сторонам личности. И в этот момент, по словам Моро, наступает излечение. Иногда сценарий нарушался. Отражение вдруг начинало препираться, спорить, а пациент, подбадриваемый доктором, должен был победить спорщика. Конечно, фантом быстро сдавался и с позором исчезал. Так пациент в театре доктора Моро оказывался и зрителем, пред которым лицедействовало его отражение, и актером — ведь зеркальный персонаж был некоторой внутренней сущностью, частью свободной воли самого пациента. Но поговаривали, что Моро — обыкновенный шарлатан, а в пустых рамках представляются гримированные паяцы местного дешевого шапито. Об этом якобы сообщал случай, когда во время «спектакля» не хватило зеркал и тогда принесли два дополнительных, а в одном отражения уже не было. Моро написал трактат про «расщепление личности», согласно которому, во время «сеанса психотерапии» фантомы, вынутые из сознания, спиритуально отправлялись в будущее. Врачебная практика баснословно обогатила Моро, ведь со всей страны к нему свозили сумасшедших отпрысков самых состоятельных семейств, у которых с незапамятных времен в ходу близкородственные браки. У таких разорившихся сумасшедших маркизов Моро выкупил замок и открыл в нем лечебницу с зеркальными комнатами. Зеркала крепились в подвижной конструкции вроде множественного трельяжа и, разъезжаясь в стороны, уносили фантомы в небытие. Так победа медицины превратилась в нечто вроде заводной шкатулки, а состояние Моро, основанное на мастерской по производству таких шкатулок, выросло неимоверно. В тайной ведомости доктор вел учет каждой фантомной личности, отъехавшей в будущее. Ставил точную дату и место ее грядущего воплощения. На лекциях он провозглашал, что когда-нибудь, в двадцатых и тридцатых веках эти изгнанные фантомы станут принадлежать великим людям, которые поспешили прийти не в свой срок. Но что-то в подсчетах пошло не так. Вкралась жуткая ошибка. И ранним осенним утром будущее, как обычно,

наступило преждевременно и встретило доктора Моро несколькими сотнями людей в плащах цвета амальгамы, которые пришли к нему домой и, изрезав гобелены и разбив зеркала, вошли в его сознание...

За ночь муравьиное море разбрелось по долине. Генерал со своей каннибальской экспедицией оказался заперт на крошечном возвышенном островке с деревцем и кустами в расселинах. Человек волевой, стремящийся к преодолению трудностей, он хотел было погрузиться в это ядовитое море и перейти его. Но были солдаты, пленники, был царь-обжора, на кухню которого надо везти сегодняшней улов. Было прекрасное далекое будущее, долгие годы откладываемое на потом. Он приказал вывести пленных из клетки, поколдовал с порошками, опять намешал шоколатля.

— Ваша вчерашняя история про Моро — очень тяжелая, — сказал генерал, передавая Руанцу чашку. — А у нас тут такое, как видите, творится. Расскажите что-нибудь совершенно прекрасное и невозможное.

— Вы предлагаете опиваться вашей отравой и рассказывать байки, пока все это не закончится?

В Руанца уперся взгляд ягуара.

— Как знаете. Можете перейти это море вброд. Вы свободны.

— Нет уж... пусть лучше будет напиток богов.

Взгляд потеплел, в нем мелькнуло все то же отношение сверху вниз — улыбка людоеда своему будущему блюду.

— Ладно, вот вам новая небыль... — Руанец, морщась, делает несколько глотков и рассказывает: — Говорят, греческие боги, когда им перестали приносить жертвы, спустились с гор и затерялись среди людей. Спрятались в тени молчаливого большинства. Обзавелись семьями. Нашли занятие по способностям. Иной раз встретишь в Париже или в родном Руане уменьшенную копию какого-нибудь Гермеса за овощным прилавком. Или мясника с фигурой Геркулеса. И скажешь себе: вот они, потомки греческих богов, — такие же теперь, как мы. Да только не совсем. Потомки Диониса пьют, не напиваясь впьянь, а в левую мочку у них вырастает виноградная косточка. Говорят, они самые счастливые на земле люди, эти дети Диониса. Пьяные счастьем. Живут тем, что имеют днесь. Совсем как пираха. Открываются только возлюбленным. Встре-

тишь иную Жозефину, прапраправнучку Диониса, женишься, а через год случайно припадешь губами к мочке играючи и нащупаешь мелкое окостеневшее сердечко. Знак Диониса.

— Ха-ха-ха! — вальяжно рассмеялся генерал Каннибал, поднимая чашу. — Выпьем же за Жозефин, этих разбредшихся по миру правнучек Диониса с косточкой в мочке. Чтобы сердце у них было не деревянное, а самое натуральное!

— И съедобное... — съязвил Руанец.

— Пейте-пейте, если не хотите, чтобы я поделился тонкостями каннибальской кухни.

— Пожалуй, пропущу ваш тост мимо ушей и скажу свой.

— Ну-ка! — Генерал от любопытства даже привстал.

— Пусть, когда мир придет к своему концу, когда исчезнут города и цивилизации, пожалуй, справедливее всего будет оставить одних только пчел. Эти удивительные создания созидают из прекрасного полезное. Пусть в конце времен живут под солнцем только цветы да пчелы, сбивающие мохнатыми лапками солнечное тепло и рассыпчатый нектар в драгоценный мед. И не будет в этом мире ни кровавых богов, ни жертв, ни людоедов.

— Ладно, — сказал генерал мрачно. — Где там камешки? Если выиграете вы... допустим, не выиграете, а обойдете всего на несколько ходов, отпущу вас. Отправляйтесь к пираха и больше не попадайтесь.

— А остальные?

— Что — остальные? Может, они на самом деле враги государя! Вредители и шпионы!

Генерал опрокинул в себя напиток, ушел на другой конец островка. Долго сидел там на камне, закрыв глаза. Тошнотворное муравьиное кишение продолжалось и в чернильной густоте, в капиллярном, узорном мареве. А в детстве, бывало только закроешь глаза, сразу вспыхнут живописные миры, из порханий и веяний сплетутся ажурные бабочки, ярко запахнут цветы, мимолетным жужжанием всверлят искры изумрудного майского жука. Теперь ничего не было. Черное марево. Вывернутая наизнанку тьма. Тьма, тьма пожрала мозг... Кишение муравьиных мыслей тянется бесконечно, словно плантации страха, до горизонта, до самого государева трона. Идешь мимо кровавых плантаций, мимо кровавых работников их, шепчешь государеву молитву: «О, царь, повсюду исходил я твои миры, и

повсюду знал только рабов твоих, и повсюду встречал все царствия и подцарствия твоя, все царствия и подцарствия твоя...» Кромешное это муравьиное море... все царствия и подцарствия твоя... и бесконечные плантации... все царствия... и кровавые работники их... и подцарствия... и государева молитва... твоя...

О, что ты здесь делаешь, опоздавший, напрасный догоняльщик, рассматривающий своих незамысловатых спутников, выпущенных из клетки? Почти голых, прикрытых только татуировками и набедренной повязкой, новых пятерых, почти не отличимых от прежних. Все так же копошилось муравьиное море, по его поверхности проплывала ветка с живыми листьями или пустая шкурка съеденного животного.

Пришел генерал.

— Ладно, — сказал он. — Дай-ка и я расскажу тебе какую-нибудь небыль. — Казалось, его смуглая кожа посветлела, а взгляд стал ясным, умиротворенным. — Раз в год, — продолжил он, — в конопаченной бочке спускается наш правитель на океанское дно, чтобы совещаться с божествами. Случается это возле таких мест, где со дна пробивается дым и тлеет огонь. Суеверный наш народ любит такое, чтобы царь безбоязненно шел на дно к своим вулканическим богам. А после совещания ходит просветленный по берегу океана, ныряет в набежавшую волну и вытаскивает обломки древних бюстов. Говорят, какой бюст ни достанет, все в них себя узнает... Вот такая маленькая быль.

Всю ночь по периметру островка горели костры, а Руанец и перуанец продолжали свою «вселенскую игру». Обоим было интересно, может ли «творец» построить свой чертог хоть раз на тысячу партий. Они спорили, перебирали комбинации, возвращались на много ходов назад. Это была уже не борьба хаоса и порядка, творца и разрушителя, а было сотрудничество, неумелое, слепое сплетение двух тревожных, ищущих воль.

— Генерал, а не хотите изменить правила игры? — спросил Руанец. — Как ни крути, при теперешних никакого прогресса нет. Это тупик.

— Думаете? — Под черным полумесяцем появились складки морщин.

— Вы так долго прятались от реальности, что перестали ее видеть. Совершенно очевидно, правила надо менять. Я подозреваю, исконные гораздо проще, чем ваши.

— Какие, например?..

— Например, костяшки с пустыми полями не имеют никакого отношения к абсолютной пустоте, а костяшки с шестью точками — обычные костяшки, а не какая-то там «вселенская плотность». Надо называть вещи своими именами.

— Может, вы и правы...

— Давайте так и сделаем. Будем называть вещи своими именами. Пленные — это пленные, которых везут на убой, а не священная жертва императора. Расскажите о них.

Генерал тяжело вздохнул.

— Невыносима... невыносима эта тоска... Не отвертеться от пахоты на плантациях страха... — Опустив голову, генерал сложил руки на груди. — Мы ищем тайноборческие племена. Теперь они все больше составляют политический рацион нашего царя. Они последние, кто не практикует людоедство. А сверху на это смотрят так, что раз не практикуете, значит, осуждаете. А раз осуждаете... Из тайноборцев был шаман, который шел к царю, а пришел к нам в руки. Говорил, что пророк, что несет царю послание от судьбы.

— Что же вы его не отпустили, не дали свершиться судьбе? Вдруг бы?..

— Пророки не бывают толстыми, а тот был толстый. А толстых у нас едят.

— Но придут другие шаманы.

— Ох, скорей бы... А хорошие у тебя небыли, — сказал вдруг генерал с тоской, — пусть и непонятные мне, дикому человеку. Привязался я к тебе. Как только схлынет кровавое море, отпущу к пираха. Иди себе, изучай их язык. А потом расскажи о нем всему миру.

— А вы бросайте вашего царя. Видно же, нет от него никому счастья. Наоборот, жрет он и жрет, пока не пожрет всех.

— А вот и уйду! — рассмеялся генерал. — Брошу все и уйду! Но напоследок покажу деревеньку, ее жители выращивают говорящие головы.

— Быть такого не может! — воскликнул Руанец.

— Увидите сами. Копченые головы, снятые с врагов, в племени хиварос¹⁰ сушат, дубят и полощут в шоколаде. Повесят такую

¹⁰ Еще и в наши дни, как пишут энциклопедии, хиварос изготавливают такие головы. Однако, неизвестно, могут ли они говорить.

говорящую кубышку на стену, обильно поплюют на нее, поматерят — она оживет да как начнет вещать обо всех новостях империи. Торгуют ими на колдовских рынках. А срок жизни, пока не протухнет и не станет заговариваться, — неделя. Каждую субботу нужна новая. Зато их истории об императоре и подданных не хуже ваших небылей.

V

К следующему вечеру море поредело и, схлынув через сутки, оставило обглоданную безжизненную долину и арьбергартные ручейки муравьиных отрядов.

Телега снова покатила. Генерал, самоуверенный и надменный, был мрачен и молчал. Экспедицию он повел не к перевалу, а вдоль высокой отвесной скалы. Телега едва помещалась на узкой дороге.

— Эй, генерал, — крикнул Руанец, сидевший возле клетки. — Хочу рассказать вам последнюю историю, прежде чем задать один вопрос, который, может быть, снимет с меня необходимость рассказывать новые небыли.

Генерал молчал и сторонился собеседника, с которым еще недавно был накоротке. Но любопытство победило, через час он залез в телегу и стал готовить костяшки к новой партии. В этот раз роль «творца» выпала Руанцу. Его ходы выстраивались легко, обходя все ухищрения генерала.

— Бывает так, куда-нибудь идешь, — сказал Руанец, — несешь новую важную мысль, обдумываешь, решаешь жить этой мыслью, потом спотыкаешься, теряешь ее. Решимости нет как нет. И целый день мучаешься: была такая радостная, новая мысль. Про что? Про новую жизнь? Про решимость? Или не было никакой мысли, никакой решимости?

Созидательная линия Руанца побеждала генеральскую разрушительную. Сам генерал удивленно смотрел на это.

— А говорят, есть одно средство, — продолжал Руанец. — Если забыл мысль, надо вернуться к ее истоку. Хорошо, что есть такая подсказка: чтобы вспомнить, надо вернуться к началу всей истории.

— Какой истории?

Оба, затаив дыхание, смотрели, как Руанца ведет созидание. Генерал ничего не мог поделаться: так здорово его соперник навострился складывать камешки, что уже был виден и светлый созидательный финал: линия костяшек должна была замкнуться.

— Какой истории? — победоносно повторил Руанец. — А с царским обжорством.

— Думаете?

— Уверен. Но для этого вы должны ответить на один вопрос.

— На какой?

В этот момент телега напоролась на крупный камень, костяшки подскочили и смешались в кучу.

— Что-то здесь не так... — разочарованно сказал генерал. Он уже рад был впервые проиграть, лишь бы посмотреть, как выглядит воплощение вселенской гармонии. — Либо неверны законы мира, либо нашей игры... Будем считать, что вы выиграли... Поздравляю... Задавайте свой вопрос.

Руанец посмотрел в лицо генерала. В его лютый, людоедский взгляд под выбритым черепом с черным полумесяцем.

— А что стало с тем рыбаком, проклявшим царя? Может, надо идти к нему, чтобы снять проклятие? Вы же верите в кровавую магию с жертвами и поеданиями. Почему бы не поверить в такой финал?

На следующем перекрестке, когда дорога снова показала на перевал, телега остановилась. Пленников выпустили на свободу, сказав идти на все четыре стороны. Недоумевающим всадникам велено было то же самое. Телегу с клеткой бросили в ущелье, где она тут же разбилась, а Руанец и перуанец, оседлав лошадей, бок о бок, посреди джунглей, беседуя, направились в далекую приморскую провинцию.

